

Невероятные события в селе Березовка

Кой бес вомчал, тот и вымчал.

Пословица

Утром Матвей выполз на крыльцо, увидел, что по двору по-хозяйски разгуливает чудовищный черный хряк, не удивился и констатировал:

— О, глядь, свинья.

Хряк, услышав его замечание, остановился и спросил густым баритоном, каким вещают высокопоставленные руководители:

— Дрыхнешь, дармоед?! А завтрак кто подаст? Жрать охота.

«Во жизнь пошла, — подумал Матвей. — Свиньи базарят и права качают. Скоро начнут жизни учить по ящику...»

После вчерашнего он был в подвешенном состоянии, а потому не нашел ничего необычного в том, что кабан говорит по-человечески. Голос звучал предельно материально, если можно так выразиться, да и тон был повелительным, как у начальника. Такой не подделаешь. Матвей стал по привычке оправдываться:

— Так я сам еще не жравши.

Хряк отмазку не принял, попер буром:

— Никого не колышет, пожрал ты или нет. Неси что есть, — он гневно копнул землю ногой, а щетина на шее и плечах встала дыбом.

Матвей попытался сообразить, способны ли свиньи подниматься по ступенькам. Наверное, нет. Ножки короткие,

и брюхо чуть не по земле волочится. Да и крыльцо высокое. Осознав, что он в безопасности, Матвей опомнился. Что за дела?! Какая-то хрюшка на него шары катит!

— Ты кто такой, чтоб указывать?! — крикнул он.

— Сейчас узнаешь, — рывкнул кабан и понесся к Матвею.

Он был похож на боевую машину, бронированную пуленепробиваемой щетиной и управляемую искусственным интеллектом. Казалось, слышно, как внутри у хряка рокочет двигатель и скрежещет стальными шестернями и коленчатыми валами силовая передача. Тактический робот сальномясной породы. От такого не убежишь. И в доме не спрячешься: дверь высадит — не заметит.

— Постой! — завопил Матвей. — Сейчас вынесу. Подожди.

Он бросился в дом. У него, конечно, не имелось ни крошки, чтобы улажить кабана на скорую руку, зато на кухне стояла большая молочная фляга с брагой, которую он подумывал сегодня-завтра перегнать, а в подполе осталось немало картошки. Матвей выволок флягу во двор, сбегал в пристройку за корытом и набуровил в него чуть ли не половину сорокалитровой посуды. Хряк понюхал брагу и недовольно спросил:

— Это что за хрень?

— Экологически чистый продукт, — залебезил Матвей. — Пока жратва готовится. Для аппетита.

Кабан понюхал брагу, на его физиономии отразилось отращение. Да, да, именно отразилось и именно на физиономии. Свиньи — немногие, если не единственные, кроме человека, существа, способные выражать чувства мимикой. Как бы нехотя, кабан приблизил рыло к корыту, медленно опустил пятак в пойло. Матвей вздохнул с облегчением. Он уже начал опасаться, что не угодил грозному гостю. Хряк хрюкнул, сделал несколько глотков, как бы пробуя брагу на вкус, и принялся жадно хлебать, сохраняя на морде брезгливое выражение.

— На свиноферме, небось, не часто подносят? — посочувствовал Матвей.

Кабан оторвался от поила:

— Ты за кого меня принимаешь?

— Ну, как это... — Матвей замялся, опасаясь обидеть незваного гостя. — В соответствии с природой.

— Думаешь, кабан с тобой говорит?

— А кто же?..

— Я! — гордо произнес кабан. — Великий демон Магардон.

— Ты бес, что ли? — удивился Матвей. Он был уверен, что беседует с кабаном.

— Демон!

— А-а-а-а, ну тогда понятно.

На самом деле Матвей запутался окончательно. Прежде он был уверен, что беседует с говорящим хряком, который каким-то образом пролез в начальство. Или же какой-то руководитель принял облик хряка. Зачем? Бог его знает. Порой начальники чудят так, что простой человек только диву дается. Однако кабан именуется себя великим демоном, то есть по-простому бесом, и это похоже на правду. Бесу, наверное, проще, чем начальнику, обернуться свиньей, хотя не факт. Пока Матвей уминал в голове эти соображения, сквозь похмельный туман пробилась еще одна мыслишка: а что, если говорит не сам кабан, а кто-то обитающий у него в нутре? Начальник в свинью ни за что не полезет. Побрезгует. Одно дело прикинуться черным беркширом, а совсем другое — залезть тому в кишки. Следовательно, это взаправду бес. Чтобы окончательно убедиться, Матвей спросил:

— А почему в свинье сидишь?

Кабан или Магардон — пока было не уразуметь — вновь грозно ощетинился:

— Хватит философствовать! Иди на кухню.

Матвей поплелся в дом, слазил за картошкой в подпол, поставил на газ большую кастрюлю и стал ждать, когда

сварится брашно. Выходить к Магардону не хотелось. Тем более что со двора доносились непонятные громкие звуки.

Когда картошка сварилась, Матвей вывалил ее в таз, растолок, дал немного остыть и потащил во двор. Выйдя на крыльцо, остолбенел. Взгляду его открылось невероятное зрелище. Кабан, нарушая законы гравитации и принципы равновесия, стоял посреди двора на задних ногах и, уставив рыло в небеса, горланил песню на неизвестном гортанном языке. Матвей чуть с крыльца не свалился. Ну-у-у, это перебор! Бес в кабане — еще туда-сюда. Чего только на свете не бывает. Но чтобы свинья на задних ногах ходила, такого быть не может. Это против всех основ природы. Хотя не исключено, что там, наверху, опять приняли новые законы мироздания.

Относительно беса у Матвея уже не имелось сомнений. Если выражаться красиво, он был эмпириком, то есть полагался исключительно на собственный опыт. В чудеса и всякую чертовщину, а также в леших, русалок и домовых он не верил. Но против действительности не попрешь. Если в объективной реальности голос, вещающий из кабаньего нутра, объявляет себя бесом, что это доказывает? Только одно — бесы реально существуют! Верить ты в них или не веришь, значения не имеет. Тебя не спрашивают...

Но и на этой мысли Матвей, в силу шаткости своих убеждений, не остановился. Имелась еще одна вероятность — его обманывают органы чувств. Иными словами, у него самого в голове что-то свихнулось, и он видит то, чего нет. Хотя вчера не так уж много принял, чтоб мерещились бесы. А главное, никому и никогда по пьяни не чудились бесы или кабаны. Одни только черти. Как это объяснить? В этот момент Матвея осенило: да это ж просто сон! У-у-уф, аж от души отлегло. Даже любопытно стало, что еще прижится.

Ему снилось, что соседка справа, Зоя Марковна, глядящая на кабана через разделяющий дворы невысокий забор, говорит ему с упреком:

— Ты зачем животное дурному учишь? Сам живешь свинья свиной, еще и его за собой тянешь.

Всегда перед всеми виноватый и привыкший к укорам, Матвей бормочет:

— Так это бес.

— Дожил! — всплескивает руками соседка. — Беса убажашь!

— Да я...

Но Зоя Марковна, не слушая, уходит к себе, а Матвей ставит таз с картошкой перед кабаном, который не обращает на угощение никакого внимания.

— Жрать-то будешь? — спрашивает Матвей.

Кабан косит на него глаза.

— Сам жри это дерьмо.

На этом Матвей проснулся или, лучше сказать, очнулся. В сновидениях и наваждениях мешанку не называют дерьмом. Так грубо выражается только реальность. Значит, это не сон! Откуда же взялся бес с пышным именем? Чего только странного в жизни не встретишь — ни один враль такого не наворотит.

Кабан вновь затянул свою песню. Матвей вздохнул, присел на крыльцо — ждать, пока пьяный бес нагуляется. Тот гулял долго, но наконец позволил отвести себя в пустой хлев, где при покойных родителях Матвея, как в Ноевом ковчеге, содержалась всякая тварь — и коровка, и козочка, и свинка, — каждая в своей загородке, да еще куры в дальнем углу. Теперь-то загородок не осталось, Матвей стопил их однажды, когда дров не хватило, — в хлеву было просторно, ложись где хочешь. Кабан повалился в середке. Матвей тихонько вышел, опять расположился на крыльце и задумался.

Долго думать не довелось. Проходивший мимо по улице ветхий дед Велехов остановился, оперся о столб штaketного забора и осведомился:

— Славно погуляли? На другом конце села было слышно.

«Хрыч любопытный, — подумал Матвей. — Прискакал разнохивать».

Дед был в Березовке основным, помимо ящика, средством массовой информации. В другие времена его почитали бы как Бояна, в наши дни злые языки прозвали сплетником. Матвей, не вникая и не питая почтения к старости, звал просто хрычом. Однако заочно.

— Событьльник твой где? — продолжал дед.

— Дрыхнет в хлеву.

— Ты, я гляжу, с ним, с Макаром, подружился.

Матвей удивился, что старик знает и переиначил имя беса, осерчал и ответил непочтительно:

— Тебе бы, дед, такого дружка. Хочешь, подарю?

Старик перекрестился.

— Упаси бог! Нет уж, оставь себе, раз польстился.

— Слышь, дед, — взъярился Матвей, — напраслину не возводи. На что это я польстился?!

Вспылить-то он вспылил, зная, что дед по ветхости своей в рыло не заедет, однако понимал: запальчивость надо поубавить, иначе не узнаешь, откуда взялся кабан. Мудрый старик не обиделся, а словно прочел его мысли.

— Как это откуда? Сам же его и привел. Сначала человека ни за что ни про что оскорбил, а потом дармовщиной соблазнил.

— Врешь! Не было такого.

— Очень даже было, — возразил дед. — Трюхал ты вчера по улице, глаза заливши, неведомо куда и зачем, а шел перед тобой колченогий Казлаускас. Ты его настиг, а обойти не можешь. Улица широкая, но ты только по прямой двигаться был способен. Вот и кричишь: «В сторону отвали, хромой черт! Людям прохода не даешь! Сидел бы дома», — и такое прибавил, что повторять не буду. Казлаускас обиделся, однако ответил: «Рад бы дома сидеть, да дело есть, покупателя ищу. Вот хоть бы тебя, коли ты первый подвернулся...» — «Что продаешь?» — «Кабанчика», —

«Э, нет, — ты говоришь, — на кабанчика у меня денег нет. Вот ежели бы кролика». — «Денег не надо, — Казлаускас говорит, — отработаешь». — «Что делать-то надо?» — «Потом разберемся». Так и сяк, короче, обольстил он тебя. Повел к себе. Ты, увидевши кабанчика, возликовал: «Вот это покупка! Давай прямо здесь его забьем, а я тебе за труды пару кило мяса оставлю». — «Э-э-э, нет, — говорит Казлаускас, — ты купил, твоя и забота. Доставить, так и быть, помогу...» Погнали вы с ним кабанчика, а навстречу Мишка Дьяков. Увидел тебя с приобретением и остолбенел: «Ты что?! Повелся?»

Дед замолк, потому что Матвей аж затрясся от возмущения:

— Выходит, знал Мишка, паскуда, что в кабане бес сидит?!

— Эва! В деревне все знают.

— Не все! Я-то не в курсах.

— Ты вообще различаешь, что вокруг происходит? Живешь как в бутылке.

— Почему же Мишка, мать его, не разъяснил?!

— Пытался, — сказал дед. — Да ты не слушал. В драку полез. Решил, должно быть, что он из корысти твою покупку хаёт. Мишка, мол, при деньгах и хочет твою покупку перекупить. Он плюнул и ушел.

— Вот это я лопухнулся! — воскликнул Матвей. — Значит, Козел искал, кому бы бракованного кабана всучить...

— Уразумел наконец. Оттого и отдавал задарма.

Матвей мысленно пообещал себе поквитаться с ушлым Козлом и спросил:

— Ну ладно, я с пьяных глаз залетел. Но Козел-то как попался? Его кто подловил?

— Никто. Случайно вышло, — объяснил старик. — География подвела. Он ведь рядом с церковью, сам знаешь, живет. А на неделе отцу Василию привезли из Сосновки одержимую старуху. Отец Василий, как обычно, отчитал,

приказал «изыди», бесы из старухи и вылетели. Куда им деваться? Пометались туда-сюда. Глядят, у Казлаускаса в хозяйстве хряк, бесы, недолго думая, в него заселились.

— Почему в хряка? — удивился Матвей.

— Так уж у них, бесов, водится, — ответил дед. — Читал небось.

— Дед, ты их видел? Какие они? — спросил Матвей.

— Обыкновенные. Бесы как бесы.

— Как на картинках?

— На картинках — это образы, в жизни они другие.

— С крыльями? С козлиными мордами? С рогами? Когти есть?

— Ты хоть слушаешь меня? — рассердился дед. — Говорю тебе: другие...

Матвей судил по голосу и представлял беса в человеческом облике. Невозможно вообразить, чтобы безобразная рогатая тварь с перепончатыми крыльями разговаривала столь зычно и сановито. По его представлениям, Магардон одет в дорогой серый костюм с бордовым галстуком, как и подобает большим чиновникам, каких показывают по ящику. Дед не внес изменений в этот образ. К тому же в дедовом рассказе имелось противоречие, которое Матвей вначале не мог для себя изъяснить, а теперь понял, что именно его смущало.

— Дед, почему ты говоришь «бесы», когда бес один?

— Кто ж считал.

— Так много их или мало?

Старик замешкался с ответом и даже вроде смешался: как же, числится всезнающим, а простая задачка ставит в тупик. Однако выкрутился:

— Это у тебя надо спросить. Ты у нас главный по бесам.

Перевел стрелки на собеседника, пусть тот отбрыкивается. А Матвею что? С него насмешки как с гуся вода. Опять с вопросом полез:

— Кабан-то сильно сопротивлялся? Чувствовал, поди, что кто-то в него лезет.

— Ему хоть бы хны, — сказал дед. — В него кто хошь вселяйся, он даже не хрюкнет.

— Дальше-то что было?

— Ничего не было. Ты кабанчика приобрел.

— Про старуху объясни, — попросил Матвей, замороженный рассказом. — Как в ней бес завелся?

— Бог, выходит, попустил. Фактически разное рассказывают. Впрочем, точно никому не известно.

— Зато я знаю, — грозно сказал Матвей. — Знаю, кто виноват и что делать. Сперва Козлу морду начищу, а потом приведу за шкуру, пусть забирает своего беса.

— Опоздал, — сообщил дед. — Казлаускас с самого ранья вещички собрал, запер дом, забрался в свою «Ниву» и был таков. Даже с соседями не попрощался. Да он ни с кем и не дружил.

— Где ж его искать?

— Где всех — в Москве. Где ж еще? Иль, глядишь, в независимую Литву подался, подальше от греха.

Матвей сплюнул в бессильном негодовании:

— Вот сволочь!

— Ты, главное, Бориса Николаевича не обижай, — посоветовал дед. — Он-то ни в чем не виноват.

— Кто таков? — знакомых с таким именем у Матвея не было.

— Хряк, — пояснил дед и ушел.

И впрямь черного кабана, учитывая его возраст, жизненный опыт и солидную комплекцию, как-то неловко было звать Борькой, уместнее — полным именем и отчеством, скажем, Борисом Николаевичем. Почему Николаевичем? Просто потому, что Казлаускаса, бывшего его владельца, звали Миколасом. К тому же имелось у кабана некоторое сходство с Борисом Ельциным. Как и покойный президент, хряк держался с большим достоинством. Правда, отношение к алкоголю у них не совпадало. Забегая вперед, следует сказать, что у Бориса Николаевича — кабана,

а не президента — была странная манера приступать к браге. Всякий раз он дергался и словно бы принуждал себя пить. Не сразу Матвей догадался, что это не бес, а хряк ненавидит пойло, которое Магардон вливает в него силком. Впрочем, мы не знаем, кто заставлял пить его тезку. Или что заставляло...

Матвея-то ничто не принуждало, кроме желания немного освежиться и встряхнуть мозги, чтобы обдумать, как разобраться с бесом. Он зачерпнул из фляги кружку-другую и приободрился. О чем тут думать?! Зарезать кабана, и вся недолга. Мясо продать — бабок получится куча. А бес пусть ищет себе жилище где угодно. Надо лишь подождать до завтра. Серьезные дела вершат на трезвую голову. Он принял еще пару кружек, а там и ночь наступила.

Наутро вчерашние события вспоминались Матвеем смутно. Было или не было? Он вышел во двор. Никакого хряка там, разумеется, не наблюдалось. В ясном свете утреннего солнца окружающее выглядело непререкаемо реальным, обычным, не допускающим никаких глупостей вроде пьяного беса. Жаль до слез. Не отсутствие Магардона, ясен пень, огорчительно. Кому он нужен! Вот кабанчик, тот бы очень пригодился. Денег-то — ни копейки. Матвей все же решил на всякий случай заглянуть в хлев, прекрасно сознавая, что никого там нет. Странная все-таки штука человеческая натура.

Вошел и... Опа-на! Как током шибануло. Развалясь на грязном полу, дрых черный кабан. Матвей затряс головой, пытаясь вытряхнуть нелепое видение, и не сразу осознал, что кто-то кличет его по имени.

— Матюха, ты где?

Он выглянул наружу и увидел на крыльце Вована.

— Ты чего там забыл? — спросил приятель. — Гляжу, дверь в доме открыта, тебя нет.

— Иди сюда, — позвал Матвей.

— В хлев, что ли, жить переехал?

Шутник, блин!

— Иди, покажу чего.

Расчет был прост. Вован у Матвея в авторитете. Давным-давно он уехал из Березовки, жил в Саратове, темные дела крутил, а потом что-то случилось: то ли он кого-то наколол, то ли его накололи, едва унес ноги, спасибо, жив остался и головы не лишился, прятался какое-то время в Районе, а потом зарылся там, где надежнее: в родном селе. Если кто-то в жизни что-то понимает, то это Вован. Пусть он и разберется, есть ли бес или только грезится с бодуна. Если хлев пуст, Вован спросит: «Ну и чего хотел показать?»; а если удивится: «Где спер?» — значит, кабан не видение, а материальное животное. Тогда придется дополнительно выяснять, есть ли в нем бес. Хотя и без того ясно, что есть.

Вован спустился с крыльца и неторопливо двинулся на зов, трезвый до неприличия. Даже издали видно, что черепушка у него не забита захрясшим цементом, и руки не дрожат, и сердце не колотится, и сушняка во всем организме нет. Друг называется!

Вован вошел в хлев, поморгал, чтобы глаза после яркого света привыкли к полутьме.

— Видишь? — спросил Матвей, не дождавшись вопроса и не зная точно, какой ответ хочет получить.

Вован ответил вопросом на вопрос:

— Сам-то видишь?

— Вижу.

— Так с какой целью допытываешься?

Матвей был вынужден спросить в лоб:

— Что видишь?

— Окулистом заделался? — спросил Вован насмешливо. — Я не слепой. Стопроцентное зрение.

Вертится, стервец, как последний пельмень на блюде в большом застолье — ты в него вилкой, он в сторону, ты вилкой, а он влево, ты опять, а он вправо... Матвей озлился:

— Так видишь или нет?!

— Поясни, что я обязан увидеть, — спокойно ответил Вован.

— Кабана, блядь! — заорал Матвей. — Кабана!

— Так бы сразу и сказал. Юлишь, как...

Матвей сжал кулаки.

— Тебе в каком глазу зрение поправить: в левом или правом?

Впервые он позволил себе такую грубость по отношению к Вовану. Тот наконец осознал серьезность момента. Иной алкаш ткнуть в рыло очень даже способен. Матвей, мужчинка жилистый, был как раз из таких. Смирный, но если хорошенько разозлить — лучше разбегайтесь. Вован легко бы с ним справился, но имел свои планы на дружка, приближенного к нечисти.

— А-а-а-а, ты вот про что, — протянул он. — Так кабан — вот он, на виду, про него и речи нет. Я думал, ты про что другое спрашиваешь. С хрюшкой что думаешь делать?

— Зарежу, мясо продам.

Вован аж подпрыгнул.

— Сдурел?!

— Поясни...

— Взаправду не понимаешь или дурочку из себя ломаешь?

Матвей вместо ответа изобразил дурака, как умел: скорчил рожу и выпучил глаза, о чем сразу же пожалел — в башке будто граната разорвалась. Неразумно рожи строить, когда головенка и без того раскальвается.

— Ой, блин!

— Вот именно «ой», — сказал Вован. — Тебе такой инструмент в руки попал, с ним что угодно можно сотворить. Такие дела замутить, аж голова кругом идет. Эх, мне бы такой!

«Это он про беса», — понял Матвей. И, не думая, ляпнул:

— Бери! Даром отдаю как другу.

Фиг с ними, мясом и салом, лишь бы от беса избавиться.
Вован вздохнул:

— Нет, брат, не совладаю.

«Врет, — подумал Матвей. — Но ведь насильно не втюхаешь». Попытался еще раз:

— Да ты попробуй.

— Знаешь, одна попробовала. Мне что-то неохота.

Матвей опечалился.

— Вот и я никак не совладаю. Оседлал он меня и погоняет. Что хочешь говори, а я кабана все-таки того, — он изобразил «того», проведя сложенными в лезвие пальцами по собственной шее.

— Сам резать собираешься? — осведомился Вован.

— Ты что?! Я не умею. Бубеля позову.

— Не пойдет Бубель.

— Ладно, без него обойдусь. Кто у нас еще забойщик? Этот, как его?.. тот, что рядом с Козлом живет.

— Тоже не пойдет. Вообще никто не согласится.

— Бойкот объявили?

— Боятся. В деревне гул стоит, как при ковровой бомбардировке. Меня в разведку прислали. Хотят знать, что делать собираешься.

Матвей приосанился.

— Пока ничего. А там будем посмотреть.

— Это хорошо, — одобрил Вован. — У меня как раз для тебя дельце имеется. Надо одному большому человеку помочь.

— Махоне, что ль?

Махоней прозвали, как водится, самого здорового в селе детину, размером с трансформаторную будку.

— Выше бери, — сказал Вован. — Афанасию Карповичу дюже треба пособить.

— Это который из Района к нам перебрался?

— Ему самому. Хочет Станцию приватизировать.

— Во дела! — удивился Матвей. — Сто лет стояла, никому на хрен была не нужна, а теперь из самого Района к ней руки тянут.

Станцией в Березовке именовали несколько заброшенных строений, окруженных бетонным забором, за околицей Березовки рядом с рекой Бологой. Некогда здесь располагалась селекционная станция имени Н. И. Вавилова: лаборатории, кабинеты, склады, гараж и опытные делянки. Напротив станции, метрах в ста от нее, — десятка полтора полуразрушенных домов, так называемая Слобода, где жили в старину сотрудники станции. Станция захирела да и вовсе потом приказала долго жить в былинные времена начала девяностых годов. Из нее вытащили все, что могло пригодиться в хозяйстве, а затем несколько поколений деревенских недорослей проводили там досуг: пили бормотуху, играли в карты, курили запретные травы, развлекались с подружками, а заодно ломали все, что можно было сломать, и разрушали все, что можно было разрушить. Бывшее пристанище науки превратилось в обитель зла. Правда, зла мелкого, еще не созревшего, но все-таки зла.

— Станция не нужна, говоришь? — спросил Вован. — Прикинь, ведь под нее в банке кредит можно получить. То-то же... Потому Афанасию Карповичу дорогу и перебегают. И кто? Наши, деревенские: Прохоров, бывший колхозный председатель, да Сатана из сельской администрации. От тебя многого не требуется — скажи своей нечистой силе, чтоб Сатану припугнула.

Человек, не знакомый с местной обстановкой, наверняка удивится: каким это образом рядовые районные бесы припугнут высшего чиновника, распоряжающегося всем злом на земле. Вникнув в суть, нетрудно понять, что речь идет об Анне Федоровне Сатиной, главе сельской администрации, которую сельчане окрестили Сатаной не столько из-за фамилии, подсказывающей прозвище, сколько из-за дурного норова.

Вован меж тем продолжал:

— Насчет Прохорова скажи, пусть на него хворь напустят или руки-ноги переломают. Нажрался он, мол, до изумления, упал с крыльца и вдребезги.

— Так он не пьет.

— То-то и оно. Пусть выпьет. С крыльца свалиться ему помогут.

— Жаль мужика, да и нехорошо как-то, — пробормотал Матвей без особого, правда, сочувствия или возмущения.

— Ты не о Прохорове, о себе подумай. С Афанасием Карповичем закорешиться — дорогого стоит. Уж он тебя не забудет.

— Ладно, — сказал Матвей, который не умел отказывать. — Поговорю с бесом.

— Молодца! — похвалил Вован. — Ну ладно, будь. Я пошел.

Но с места не стронулся.

— Слышь, Матюха.

— Слышу, не глухой.

— Нинку приворожи. Ты теперь вроде как ведьмак.

— Да какой там, — отмахнулся Матвей.

— Не прибедняйся, по-дружески прошу. Я к ней, понимаешь, и так и сяк, а она никак. Гордая. На фига, говорит, ты мне нужен. Я в город, говорит, учиться поеду.

Матвею было лестно, что такой человек, как Вован, обращается к нему с просьбой.

— Ладно, и об этом поговорю.

Пообещал-пообещал, но не представлял, как подступиться к Магардону с заданиями. Решил пока не париться, авось само собой разрешится. Кабан храпел без задних ног, Матвей и сам был не прочь соснуть немного, тоже прилег.

Проснулся после полудня, пошел в хлев сообщить бесу, чтоб выселялся и не мешался под руками, когда будут колоть

кабана. Борис Николаевич лежал на боку и страдальчески похрюкивал. Матвей пнул его в бок.

— Эй!

Кабан взвизгнул, не открывая глаз. Бес никак не отреагировал. Матвей пнул еще разок, посильнее.

— Я тебе попинаю! — прохрипел бес.

Кабан вскочил на ноги, но тут же повалился на пол.

— Уй, голова!

— Браги поменьше бы жрал, — злорадно посоветовал Матвей.

Бес возмутился:

— Ты че пургу гонишь?! — Вероятно, все силы он истратил на негодование и сумел лишь простонать: — Голова! Отрубил бы...

— Потерпи, скоро отрублю, — пообещал Матвей.

В душе он сочувствовал бесу. Знал, что такое похмелье, особенно после бражки. Накачал воды в ведро, вылил в таз, поднес страдальцу.

— Попей холодненькой.

Рассолец помог бы лучше, но где возьмешь столько, чтоб хряка лечить. Немного отмякнув, бес хрипло простонал:

— Это все Козел мутит. Надьсь грозил: «Ну я тебе матку вырежу». За что?! Ну подъял я пару-другую курей. Так он сам их жрет, я видел. Ему можно, а мне нельзя?

Мутным взглядом он обвел пустой хлеб.

— Куда куры подевались? — Затем, что-то уразумев: — Где это я?! Ты кто такой?

К этому времени Матвей тоже сообразил, что сквозь бесову хрипоту пробивается наглый юношеский дискант, мало похожий на солидный баритон Магардона, и спросил вразрез:

— Ты сам кто такой?

— Велизар, — гордо прохрипел бес. — Великий демон.

Матвей тут же переименовал его имя на более скромный и понятый лад — Елизар. Однако его интересовало не имя, а совсем иное. Он спросил:

— Другой куда подевался? Тот, что до тебя был.

— Ты че-то попутал, парнишка, — просипел великий демон Елизар. — Я тут один всю дорогу. Тесноты не люблю.

«Ага, — подумал Матвей, — про Магардона не знает. Сказать или не сказать? Нет, спешить не стоит». Вслух он задал вопрос наводящий, но нейтральный:

— Не скучно одному?

— Я сам себя веселю.

Матвей подумал, что признание звучит двусмысленно, но развивать тему не стал.

— А как в кабане живетесь?

— Жить можно, — туманно ответил Елизар. — Хотя в старухе вольготней жилось. Воняла только сильно.

— Неужто сильнее кабана? — удивился Матвей.

— Хуже! Дух другой. Она.

Голос беса исказился, поплыл и замолк, словно в кабане разрядились батарейки, отчего он перестал воспроизводить звук, а после недолгого молчания вместо похмельного хрипения юного Елизара раздался бодрый голос Магардона:

— Завтрак где?

— Так время уж обеденное.

— Тащи обед.

И тут Матвей вспомнил вчерашнее решение.

— Не будет обеда, столовая закрыта на учет. А ты освободь помещение. Плановый забой.

— Какой такой план?

— Резать буду кабана.

— Не советую.

— Кто ж мне запретит?

— Никто, — равнодушно, даже как бы скучая проговорил Магардон. — Режь, а я в тебя переселюсь.

Бес лукавил. Кто же в здравом уме и трезвой памяти переселится из могучего производителя беркширской породы в хилого и болезненного деревенского алкаша! Однако Матвей был свято убежден, что на подвижной лестнице

Ламарка он стоит неизмеримо выше кабана, а потому поверил угрозе, присмирел и отправился за обедом, готовить который не было нужды, — вчера бес даже не притронулся к еде. Освежить вчерашнее блюдо — дело плевое. Достаточно пробраться через прореху в заборе к Зое Марковне в огород, надергать морковки и репы, порубить овощи с ботвой в холодную картошку — вот и яство не хуже, чем в лучших ресторанах Парижа.

— Ты чего меня дерьмом кормишь? — возмутился бес. — Сам-то небось лучше питаешься. Придется идти на перемену жилья.

Матвей, пока воровал соседский овощ, успел подготовить несимметричный ответ:

— Вселяйся.

— Смелый стал! — неодобрительно пробурчал Магардон.

— Поумнел. Прикинь, стану я бесноваться, отведут меня в церковь, тебя из меня изгонят... И куда ты тогда? Опять в свинью? Здравствуйте, мол, девушки! Как говорится, круговорот беса в природе.

Матвей блефовал. Имеется всего один документально зафиксированный эпизод, когда бесы из человека переселились в свиней, но нигде не говорится, что они способны на обратное перемещение. Магардон на нехитрый обман не купился. Он знал, что никуда Матвей не денется, будет исполнять все, что от него потребуют, потому что демон сильнее человека и запросто одержит над ним верх. Но самое главное, Матвей до чертиков боялся ненароком впустить в себя какую-нибудь нечисть, а пуще того страшился насильственного вторжения. Ему хватало одержимости бесовским зельем — алкоголем. Тем более бесов было двое, а это вдвое страшнее. Правда, в тот начальный период обитания в кабана Магардон даже не подозревал о существовании сожителя. Матвей убедился в этом, когда, улучив момент, спросил беса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru